

УДК 398.224(=512.141)
DOI 10.25587/y1596-0749-8564-k

Э. В. Мигранова

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН

СПОСОБЫ ДОБЫЧИ ПРОПИТАНИЯ И ОТРАЖЕНИЕ ПИЩЕВЫХ СИМВОЛИЗМОВ БАШКИР В ЭПОСЕ «УРАЛ-БАТЫР»

Аннотация. Целью исследования является попытка рассмотреть важнейший источник по духовной культуре башкир – эпос «Урал-батыр» на предмет содержания в нем черт ритуального почитания некоторых диких животных и птиц, отражения пищевых символизмов, перемен в хозяйственных занятиях народа, перехода к производящим формам хозяйства. Актуальность статьи обусловлена тем, что подобного анализа эпоса «Урал-батыр» до настоящего времени предпринято не было. Основными методами, использованными в работе, являются сравнительно-исторический и ретроспективный. В основной части статьи говорится о том, что эпос «Урал-батыр», как и многие другие древнейшие башкирские эпические произведения, богат бытовыми сюжетами. Пища в эпосе «Урал-батыр» часто выступает в знаковом, сакральном значении. Подчеркивается, что голова – это вместилище мудрости, а отведавший голову зверя-самца получает его жизненную силу и мужество. Не менее сакральным почиталось и сердце животного, но с противоположной, женской символикой, олицетворяющей мягкость, женственность. В эпических произведениях башкир прослеживаются и черты промыслового культа, ритуального почитания и табуации некоторых диких животных и птиц (лебедя, журавля, медведя, и др.); особо оговаривается запрет на охоту на лебедей. Кровь в древней культуре многих народов была строго табуирована, ее разрешалось проливать (например, на охоте, войне) лишь после определенных обрядов инициализации. Символизм яблока прозрачен и ясен – данная традиция идет из глубокой древности и связана с выбором брачного партнера, вкушением запретного плода, повлекшего грехопадение человека; но в то же время в мифологии яблоко дает человеку и знание. В эпосе «Урал-батыр» находят отражение и картины исторической эпохи периода перехода башкирского общества к производящим отраслям хозяйства, в частности к скотоводству. К основным результатам исследования можно отнести следующие выводы: пищевые символы башкир, нашедшие отражение в эпосе «Урал-батыр», имеют сходство с таковыми у других народов; это может свидетельствовать как об общности исторических корней, так и о развитии духовной культуры предков башкир в русле общечеловеческой культуры.

Ключевые слова: башкиры, древнейшие виды хозяйства, первобытнообщинный строй, эпос «Урал-батыр», пища, символы, обычаи, ритуалы, запреты, предписания.

E. V. Migrantova

Methods of food production and reflection of Bashkir food symbols in the epic *Ural-Batyr*

Abstract. The aim of the study is to consider the most important Bashkirs source of the spiritual culture – epic *Ural-Batyr* on the subject of the ritual of honoring some wild animals and birds reflect food symbolism, changes in the economic activities of the people, the move to producing forms of farming. The relevance of the article is due to the fact that no such analysis of the *Ural-Batyr* epic has been undertaken so far. The main methods used in this work are comparative-historical and retrospective. The main part of the article says that the epic *Ural-Batyr*, like many other ancient Bashkir epics, is rich in everyday stories. Food in the epic *Ural-Batyr* often appears in a symbolic, sacred meaning. It is emphasized that the head is a receptacle of wisdom, and the one who has tasted

МИГРАНОВА Эльза Венеровна – к. и. н., с. н. с. отдела этнологии, Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия.

E-mail: mig.el@mail.ru

MIGRANOVA Elza Venerovna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Department of Ethnology, Order of the Badge of Honour Institute of history, language and literature – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia.

E-mail: mig.el@mail.ru

the head of a male animal receives its life force and courage. The animal's heart was also considered sacred, but with the opposite, female symbolism, representing personified softness and femininity. In the epic works of the Bashkirs, there are also features of a commercial cult, ritual veneration and taboo of some wild animals and birds (swan, crane, bear, etc.); the ban on hunting swans is particularly stipulated. Blood in the ancient culture of many peoples was strictly taboo, it was allowed to shed (for example, hunting, war) only after certain initialization rites. The symbolism of the apple is transparent and clear – this tradition comes from ancient times and is associated with eating the forbidden fruit that caused the fall of man; but at the same time, in mythology, the apple also gives a person knowledge. The epic *Ural-Batyr* also reflects pictures of the historical epoch of the period of transition of Bashkir society to the producing branches of the economy, in particular to cattle breeding. The main results of the study include the following conclusions: the food symbols of the Bashkirs, reflected in the epic *Ural-Batyr*, are similar to those of other peoples; this may indicate both the common historical roots and the development of the spiritual culture of the Bashkir ancestors in the mainstream of universal culture.

Keywords: Bashkirs, the most ancient types of economy, primitive communal system, the epic *Ural-Batyr*, food, symbols, customs, rituals, prohibitions, regulations.

Введение

В фольклорном наследии башкир эпос «Урал-батыр» занимает главное место, является базовым текстом и одним из важнейших этносимволов [1]. Эпос «Урал-батыр», как и все древнейшие башкирские эпические произведения, богат историко-бытовыми, национально-этнографическими образами, а также символическими чертами. В нем сохранилась и в открытой, и в закодированной форме информация, представления народа о себе и о мире.

Цель статьи – раскрытие черт ритуального почитания некоторых животных и птиц, содержащихся в одном из важнейших источников по духовной культуре башкир – эпосе «Урал-батыр», рассмотрение отражения в нем перемен в хозяйственных занятиях народа, связанных с переходом к производящим формам хозяйства; выявление пищевых символизмов, сохранившихся в данном эпическом произведении.

История изучения эпоса «Урал-батыр» охватывает почти столетие, после того, как он был записан в 1910 г. М. Бурангуловым от сзэнов-кураистов Габита Аргынбаева и Хамита Альмухаметова [2]. Тему эпоса «Урал-батыр» в своих работах в различных аспектах затрагивали и фольклористы, и историки, и языковеды, и этнографы: К. Мэргэн [3], А. И. Харисов [4], Д. Ж. Валеев [5], Н. Т. Зарипов [6], А. М. Сулейманов [7, 8], З. Г. Аминев [9], С. А. Галин [10], Г. Р. Хусаинова [11], Г. В. Юлдыбаева [12], Ф. А. Надршина [13], Ф. Г. Хисамитдинова [14] и др. исследователи.

Актуальность исследования обусловлена тем, что до настоящего времени не был проведен анализ эпоса на предмет отражения в нем способов добычи пропитания, а также отношения к некоторым животным и птицам, а также пищевым продуктам как к знакам и символам. Изучение древних черт пищевой символики, отраженной в эпосе «Урал-батыр», представляет интерес и в плане исследования ранних форм социальных отношений, мировоззрения башкир. По мнению этнографов «Пищевой символизм, нормы обращения с едой (а также с частями туши животных – Э. М.) являются частным случаем социального символизма» [15, с. 70]. А любая совместная трапеза – это в то же время действие с определенным знаковым содержанием [16, с. 3].

Основными методами, использованными в работе, являются сравнительно-исторический и ретроспективный, с помощью которых выявляется общее и особенное в культуре и мировоззрении башкир и других народов, прослеживается эволюция, определяются тенденции развития изучаемых явлений и т. д., а также комплексный анализ эпоса с использованием фольклорного, этнографического, языкового, исторического материалов, с реконструкцией воззрений древних башкир о происхождении и устройстве мира и о месте человека в этом мире.

Теоретические предпосылки предпринятого исследования. Мысль о знаковом характере культуры или отдельных ее видов и форм высказывалась еще Аристотелем и другими древними мыслителями. Интерес к знакам культуры усилился в эпоху Просвещения (труды Д. Локка и особенно Г. Лейбница, который справедливо отмечал, что «знаки коротко выражают... глубочайшую природу вещей...» [17, с. 183]). Позднее разработкой знаковости, конструированием

семиотики как науки о знаковых системах в природе и обществе занимались Г. Э. Лессинг, Ф. де Соссюр, Дж. Фрэйзер и др. [18; 19; 20]. На важность этносемиотического подхода обращали внимание и В. Я. Пропп [21], и отечественные этнографы Ю. В. Бромлей, С. А. Токарев, С. А. Арутюнов, В. Я. Петрухин, А. К. Байбурин [22; 23; 24; 25; 26] и др.

Ритуальное почитание и табуация животных и птиц, пищевые символы в эпосе «Урал-батыр»

«Урал-батыр» – это один из основных героических эпосов башкирского народа; время возникновения сюжета и многих мотивов этого произведения уходит корнями в глубокую древность, вероятно, в эпоху разложения первобытнообщинного строя. В «Урал-батыре» находит отражение то, как определенный набор ритуальных действий и ограничений регламентируют как частную, так и общественную жизнь.

В этот период для добычи пропитания еще господствовали непроизводительные виды хозяйственной деятельности – собирательство, охота, рыболовство, способы приготовления пищи также были еще весьма примитивными:

С незапамятных пор проживала
Там семейная чета:
Старик по имени Янбирде¹
С Янбикою², старухой своей.
.....
Своего не имели скота,
Не обзаводились добром,
Даже не вешали котла
Над полыхающим костром...³ [1, с. 35–36].

В способах охоты, описанных в эпосе Урал-батыр, содержится отражение древних обычаев и ритуалов предков башкир, связанных с этим видом деятельности:

На охоту коней не седлали,
Лука и стрел еще не знали,
Приручили и держали
Льва-арслана, чтоб их возил,
Сокола, чтобы пернатых бил,
Пиявку, чтоб кровь животных сосала,
Щуку, чтоб рыбу для них хватала.
С древности тот обычай дошел
И навеки с ними остался... [1, с. 36].

Охота раньше играла значительную роль в хозяйственных занятиях башкир и оказывала значительное влияние на формирование их пищевого рациона. Старики, сами хоть и охотились верхом на льве – арслане, но своим детям советовали:

Ваши зубы еще не сменились,
Ваши мускулы не укрепились,
Рано в руки сукмар⁴ вам брать,
Рано сокола в высь запускать,
Не вышел час вам на льва садиться.
Ешьте то, что я вам уделю,
Делайте то, что я вам велю.
Чтобы ездить верхом научиться,
И оленя вам хватит пока.
На залетную стаю птиц
Можете кобчика запустить... [1, с. 37].

¹ Янбирде – мужское имя *Янбирзе* в переводе с башкирского «ян» (душа), «бирзе» (дал).

² Янбикэ – женское имя *Янбикэ* в переводе с башкирского «ян» (душа), «бикэ» (женщина, госпожа).

³ В статье мы ссылаемся на текст эпоса на русском языке, который опубликован в многотомном издании «Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос» (Уфа, 1987). Перевод на русский язык выполнен башкирским поэтом Г. Г. Шафиковым.

⁴ Сукмар (*һуҡмар*) – кистень, холодное оружие раздробляющего действия.

Этот запрет имел разумное объяснение, поскольку охота древнего человека была довольно-таки жестоким, кровавым занятием:

Не мы ли гибель повсюду сеем,
Страх на всех наводя кругом?
Не мы ли тех, кто Смерти боится,
Рыбу, что в глубь озер стремится,
В зарослях поющую птицу –
Ловим и головы отрезаем,
Сердце вспарываем и съедаем,
Тварью ничтожною их считаем? [1, с. 39].

.....
Мы несем неизбежную смерть
Куда б от нас они не сбегали –
В горную высь иль лесные дали,
Беглецов все равно мы найдем,
Горло им перережем ножом... [1, с. 40].

В эпических произведениях башкир прослеживаются и черты промыслового культа, ритуального почитания и табуации некоторых диких животных и птиц (лебедя, журавля, медведя, и др.).

В эпосе «Урал-батыр» особо оговаривается запрет на охоту на лебедей (*аккош*). Лебедушка, как-то раз оказавшись охотничьей добычей семьи Янбирде, увидев, что старик стал точить свой нож, чтобы искромсать ее на мясо, взмолилась:

Летела я чтобы мир посмотреть;
Не земное создание я,
У меня есть страна своя,

.....
Мой отец – повелитель птиц –

.....
Отпустите же вы меня,
Ворочусь я в родные края,
Если ж съедите меня, все равно
Стать мне пищею не суждено –
Лягу внутри у вас камнем я.
Водою из Живого ручья
В детстве тело мое омыла
Солнце-Кояш – мать моя,
Светом бессмертья меня озарила.

.....
Дочь я царя, чье имя Самрау,
А зовут меня Хумай... [1, с. 46–47].

Впоследствии запрет на охоту на лебедей в этнокультуре башкир закрепился еще больше, лебеди стали считаться детьми священной птицы Хумай, райскими птицами, поэтому в народе:

Лебедей за родных принимали,
Охотиться на них запрещали,
Не ловить благородных птиц
Между собой договорились –
Оттого птицы те расплодились.
Поэтому мясо лебедей

Навеки запретно для людей [1, с. 131].

Среди башкир до сих пор сохранилось поверье, что «Если убьешь лебедя, всю жизнь одиноким, несчастным будешь»; «Если убьешь одного лебедя (из лебединой пары), то другой проклянет, прервется твой род»; среди всех групп населения существует строгое табу на охоту на этих птиц и употребление их мяса.

Вообще, пища в эпосе «Урал-батыр», как и в эпосах многих других народов, преимущественно выступает не в прагматическом, а в знаковом, символическом значении. Так, Эдвард Эдингер в книге «Эго и Архетип» писал, что «Среди первобытных народов в различных формах встречается представление о том, что человек поглощает природу или жизнь другого живого существа, поедая его мясо или выпивая его кровь...» [27]. Этот тезис напрямую связан и с башкирским эпосом.

Например, об употреблении головы животного в «Урал-батыре» говорится следующее:

Когда зверь-самец попадался,
Старики его убивали,
Голову его поедали,
Шульгену же и Уралу,
А также льву-арслану,
Соколу и прожорливой щуке
Остальное поестъ бросали... [1, с. 36].

Вообще, голова животного (*баш*) – один из важнейших символов мужского начала, распространенных в мире, в т. ч. и у башкир; поэтому, скорее всего, не случайно в эпосе подчеркивается, что голова поедаемого животного должна была принадлежать зверю-самцу. Раньше для мировоззрения охотничьих народов было характерно отношение к голове, как к основному вместилищу жизненной силы. Считалось, что отведавший ее получает энергию животного, его мужество. Во многих культурах с древнейших времен съесть голову животного означало пополнить свою мужскую силу. Позже обычай угощения головой зарезанного скота закрепился у башкир-скотоводов в ритуальной трапезе *Баш ите ашау* (букв. поедание мяса головы), для которой варили голову зарезанного с осени крупного домашнего животного (барана или коровы). Обряд обычно проводился весной, то в одном, то в другом доме, и приурочивался к поминовению умерших¹. От головы заранее отделяли нижнюю челюсть, чтобы освободить душу животного, затем голову хранили до весны в подвешенном замороженном виде. Во время трапезы *Баш ите ашау* обращались к духам предков с просьбами о благополучии и процветании рода. Символично было и проведение обряда в канун нового сельскохозяйственного года, поэтому во время трапезы совершались моления о приплоде скота, богатом урожае. Вареную голову ставили перед гостями, сделав треугольные надрезы на лобной части, за ушами и по бокам вокруг рта. По словам информаторов из Бурзянского района, при разделывании головы все присутствующие получали свою «долю» (*өлөш*) и обязательно по кусочку языка (*тел*) и ушей (*колак*)². Опаленная баранья голова у башкир во время крупных общественных пиров также подносились с выражением почестей хану или правителю – башу, а также знаменитым батырам [1, с. 273, 338].

Не менее сакральным у башкир считается сердце животного (*йорэк*), но, как правило, оно несет противоположную – женскую символику. Если голова, разум ассоциируются с мужским началом, то сердце олицетворяет мягкость, сострадание, женственность, т. е. мудрость чувства противопоставляется рассудочной мудрости головы.

Когда же самку зверя они убивали,
Для пищи лишь сердце ее вырезали... [1, с. 36].

Башкиры считали, что раз сердце содержит и перегоняет кровь, то в нем содержатся и основные характеристики живого существа. Так, согласно полевым этнографическим материалам сердце крупного животного башкиры охотно употребляли в пищу, веря, что будут иметь храброе и здоровое сердце; напротив, птичье (куриное) сердце многие не ели, считая эту птицу трусливой³.

¹ Записано от Г. Х. Ишмухаметовой, 1934 г. р., д. Кагарманово Белорецкого района Республики Башкортостан. Собирает Э. В. Мигранова, 2000 г. Личный архив автора.

² Записано от М. Баймурзиной, 1912 г. р., д. Большой Бретьяк Бурзянского района Республики Башкортостан. Собирает Р. Г. Гаделгареева, 1976 г. Научный архив УФИЦ РАН.

³ Записано от М. Вагаповой, 1914 г. р., д. Худайбердино Кугарчинского района Республики Башкортостан. Собирает Э. В. Мигранова, 2000 г. Личный архив автора.

Говоря об употреблении продуктов животного происхождения, нельзя оставить без внимания и кровь (*кан*). Хотя в наше время для башкир и не характерно употребление в пищу крови зарезанных животных, однако нельзя исключить, что прежде в питании использовался и этот продукт. В башкирском эпосе «Урал-батыр» родители Урала и Шульгена пьют священный напиток из крови животного, причем подчеркивается, что напиток должен был быть приготовлен из крови живого существа:

Ну а черных пиявок болотных
В травоядных вонзали животных,
Чтобы из выцеженной крови
Себе напиток изготовить [1, с. 36].

Кровь в представлениях многих народов с первобытных времен считалась средоточием и символом жизни, субстанцией жизненной силы, обиталищем души. Однако пить этот, с одной стороны, питательный, с другой, ритуальный напиток, было дозволено лишь взрослым. Поскольку кровь воспринималась как ни что иное, как жизнь живого существа, при ритуальной трапезе его жизненная сила должны были распределиться между всеми равными участниками трапезы, каждый из которых включал ее частицу в свою индивидуальную жизнь. Для несовершеннолетних же существовал строгий запрет на употребления символических частей туши:

Малолетним детям своим,
Что охотой не промыслили,
Пить кровь, есть голову или сердце
Строго-настрого запрещали [1, с. 36].

Отец по несколько раз наставлял Урала и Шульгена:

Если жажда охватит вас,
Можете воды ключевой испить.
Но кровь, что в раковины налита,
Пусть не коснется вашего рта.
Так по несколько раз подряд
Наставлял он их, говорят,
Запрещал им вновь и вновь
Цедить из раковины кровь [1, с. 37].

Старший брат Шульген, однако,

Хоть о запрете отцовском он знал:
С тою раковиной не шутить,
Ни за что из нее не пить,

всячески стал уговаривать и подстрекать брата нарушить отцовский запрет:

Если пить кровь для взрослых людей
Не представляло бы какую-то сладость,
Мать и отец без сна и покоя,
Дома оставив нас с тобою,
На охоте бы не бродили.
Так зря не будем время терять,
Раковину поскорее откроем,
Выпьем по капельке, чтобы узнать
Крови вкус – что это такое [1, с. 37].

На что младший брат Урал категорически ответил:

Пусть та кровь и очень сладка,
Я не сделаю и глотка,
Пока не вырасту я егетом,
Пока не узнаю причину запрета,
Пока не пройду по белому свету,
Пока не уверюсь, что на свете
Больше нет и в помине Смерти,

Сукмаром никого не ударю,
Никакой не убью я твари,
Высосанной пиявкой крови
Пить не стану я – вот мое слово [1, с. 38].

Как таковая, кровь была табуирована и во многих других культурах, ее разрешалось проливать лишь после определенных обрядов инициализации и особой подготовки, например, во время жертвоприношений. У многих первобытных племен (австралийских, африканских племен, американских аборигенов и др.), а у некоторых народов и сегодня – кровь животных используется в ритуалах жизненного и календарного циклов, а также в священных церемониях, в т. ч. в обрядах инициализации. Кровь, как субстанция самой жизни, составляет самое ценное из того, что мог представить в своем воображении человек. С точки зрения первобытного (т. е. бессознательного) мышления, суть кровавых обрядов состоит не в моральной предосудительности пролития крови, т. е. лишения жизни другого существа, а в чрезвычайной опасности вторжения в сферу такой мощной субстанции, как кровь. Поскольку она могла отомстить за себя, подобно тому, как провод под высоким напряжением мстит за себя человеку, который по неосторожности или по незнанию схватит его рукой [27]. Поэтому, как нам кажется, данный запрет был, в частности, продиктован и заботой о безопасности детей и подростков.

Яблоко – еще один съедобный символ, упоминающийся в эпосе «Урал-батыр». С его помощью в эпосе осуществляется выбор брачного партнера:

Вот царевна сошла на майдан,
Медленно прошла по рядам,
Где среди прочих мужчин и Урал
В ожиданье немом стоял...
.....
Глаза свои на него подняла,
И взгляд царевны оттаивать стал.
Яблоко в руки дала ему... [1, с. 53].

Отвергнуть подобное подношение означало нанести серьезную обиду девушке, было равносильно страшному оскорблению:

А тем временем дочь царя
Появилась и на Урала
Раздраженно и гневно напала:
«Выбрала я тебя, молодец, –
Почему ж не пришел во дворец?
Яблоком дала тебе знать,
Что ты должен мужем мне стать.
Слову ты моему не внял.
Перед слугами и рабами
Опозорил, в краску вогнал... [1, с. 53].

Символизм яблока прозрачен и ясен, данная традиция также идет с древности и связана с вкушением запретного плода, повлекшего грехопадение человека, но оно же – яблоко – дает человеку и знание. Библейский сюжет повествует о Еве, дерзнувшей не только сорвать плод и попробовать его самой, но и вручить его Адаму. Следствием этого поступка стало изгнание людей из рая, для того, чтобы пройти весь долгий и тяжкий земной путь человечества. Предложение партнеру яблока в мировоззрении народов было равносильно признанию в любви; цветок яблоки у многих народов используется как украшение для невест. В греческой мифологии творцом яблока выступает Дионис, преподнесший его Афродите, что послужило поводом к эротической символизации яблока. Во время свадьбы Зевса с Герой, Гейя подарила ей яблоко, которое символизировало плодородие. В Афинах молодожены делили и ели яблоко при вхождении в брачные покои; передача или бросание яблок считалось знаком любви [28]. Подобный брачный символизм, возможно, связан с тем, что сердцевина яблока в продольном разрезе напоминает вульву. В то же время семенные коробочки плода сложены в виде (пятиконечной звезды), которая в свою очередь, является знаком знания и инициации. По другим поверьям, пентаграмма

сердцевины яблока символизирует и бессмертие – пять состояний от рождения до смерти, а затем новое рождение [28].

В эпосе «Урал-батыр» находят отражение и картины исторической эпохи периода перехода к производящим отраслям хозяйства, в частности к скотоводству и эпизоды приручения Урал-батыром домашних животных. Обращаясь к исполинскому дикому быку царя Катилы, герой произносит такие слова:

...тебя губить
Вовсе не собираюсь, бычок.
.....
Знай, нет существа на земле,
Кто бы был человека сильнее.
Не только ты – все потомки твои
Станут отныне рабами людей... [1, с. 58].

Акбузат – необузданный конь царевны Хумай, сошедши с небес, тоже подчинился человеку:
Голову перед ним склонил:
«Покориться тебе я рад», –
Он как будто бы говорил [1, с. 102].

Сотворив новый, свободный от злых демонов мир, Урал-батыр погибает, но перед этим успевает окропить живой водой свою страну и свой народ. Процветание и изобилие приходят в благословенный край, меняется образ хозяйствования, наступает новая эра:

Бык Катилы племя свое,
Которому отроду быть вожаком,
На отроги Уральских гор,
Туда, где благодатен простор,
Привел, чтоб вместе со всеми жить,
Голову перед людьми склонить.
Акбузат по странам бродил,
Лошадиный род единил,
Во главе табунов сам шел,
Всех затем он сюда привел.
Когда обжились и с раздольем свыклись,
Здесь и лошади расплодились...
.....
На берегах Идели-реки
Стал всюю расселяться народ,
Разводить там домашний скот;
Разрасталось число людей...
.....
На долинах четырех рек
Стали строить они жилье [1, с. 134].

Перемены в хозяйственных занятиях народа неизбежно вели к переменам в системе жизнеобеспечения, в т. ч. в системе питания башкир; продукты скотоводства – молоко и мясо домашних животных отныне стали составлять основу рациона питания народа, а пищевая символика эпохи скотоводства впоследствии нашла более полное отражение в эпических произведениях более поздних исторических периодов.

Заключение

Анализ башкирского эпоса «Урал-батыр» показывает, что данное произведение содержит в себе целый комплекс воззрений, характерных для первобытнообщинного строя и может рассматриваться как ценный источник, позволяющий реконструировать историю башкирского народа с древнейших времен. Обращает на себя внимание наличие значительного числа сходных смысловых семантических параметров в комплексе жизнеобеспечения, обрядовой сфере и нормах поведения древних башкир, а также тюркских, монгольских, славянских, индоиранских и других народов, в т. ч. в сфере добычи пропитания и пищевой символики (табуация некоторых

животных и птиц, правила употребления крови, головы и сердца убитого животного, магия яблока и пр.).

Таким образом, эпос «Урал-батыр» является не только вершиной устного народного творчества башкирского народа, развивавшегося в тесном контакте с другими евразийскими народами, но и мировой эпикой. Он также может служить незаменимым источником для изучения культурного наследия, истории и этнографии башкирского народа, поскольку содержит в себе в иносказательной форме, в виде аллегорий целый комплекс магических, нравственных, воспитательных, общественных, культурных и иных понятий народа.

Материалы, представленные в данной статье, могут быть использованы для сравнительного анализа и для характеристики этногенетических процессов и историко-культурных контактов башкир и других народов.

Литература

1. Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос / Сост. М. М. Сагитов. – Уфа : Башкирское кн. изд-во, 1987. – 544 с.
2. Урал-батыр (эпос) / Записан М. Бурангуловым от Г. Аргынбаева и Х. Альмухаметова в 1910 г. Проект Г. В. Юлдыбаевой. – Уфа : ООО «Полиграфдизайн», 2014. – 196 с. (На башкирском яз.)
3. Киреев А. Н. Башкирский народный героический эпос. – Уфа : Башкирское кн. изд-во, 1970. – 304 с.
4. Харисов А. И. Литературное наследие башкирского народа (XVIII–XIX вв.). – Уфа : Башкирское кн. изд-во, 1973. – 312 с.
5. Валеев Д. Ж. Элементы философского видения мира в эпическом памятнике «Урал-батыр» // Фольклор народов РСФСР. Вып. 2. – Уфа : БашГУ, 1975. – С. 3–11.
6. Зарипов Н. Т. Фольклористика // В научном поиске : к 50-летию Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР / Отв. ред. Х. Ф. Усманов. – Уфа : Башкирское кн. изд-во, 1982. – С. 145–159.
7. Сулейманов А. М., Рязанов Р. Ф. Архаический эпос башкирского народа. – Уфа : Гилем, 2002. – 124 с.
8. Урал-батыр : башкирский народный эпос / Вступ. ст. А. М. Сулейманов ; пер. с башк. А. Х. Хакимова. – Уфа : Китап, 2013. – 288 с.
9. Аминев З. Г. Эпос «Урал-батыр» и мифология башкир. – Уфа : ДизайнПресс, 2013. – 160 с.
10. Галин С. А. Башкирский народный эпос. – Уфа : Аэрокосмос и ноосфера, 2004. – 320 с.
11. Хусаинова Г. Р. Башкирский эпос «Урал-батыр» и его сходство с эпосами тюрко-монгольских народов (на примере башкирского, якутского и бурятского материала) // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова : Серия Эпосоведение. – 2017. – № 1 (05). – С. 20–26.
12. Юлдыбаева Г. В. Башкирский мифологический эпос «Урал-батыр» : история изучения и популяризация // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 4 (46). – С. 265–272.
13. Надршина Ф. А. Великое творение башкирского народа // Урал батыр. Башкорт халык кобайыры – Урал-батыр. Башкирский народный эпос – Ural-batur. Bashkort Folk Epic. 2-е изд. – Уфа : Информреклама, 2005. – С. 28–44.
14. Досье по включению башкирских кубаиров цикла «Урал-батыр» в Список шедевров нематериального наследия человечества / Под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой, Ф. А. Надршиной. – Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. – 302 с.
15. Бгажников Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов. – Нальчик : Эльбрус, 1983. – 232 с.
16. Арутюнов С. А. Введение // Этнография питания народов стран зарубежной Азии. – Москва : Наука, 1981. – 256 с.
17. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. – Москва : Наука, 1975. – 721 с.
18. Лессинг Г. Э. Лаокоон, или о границах живописи и поэзии. – Москва : Гослитиздат, 1957. – 519 с.
19. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – Москва : Прогресс, 1977. – 696 с.
20. Фрэзер Дж. Золотая ветвь : Исследование магии и религии / пер. с англ. М. К. Рыклина. – Москва : Политиздат, 1980. – 831 с.
21. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1986. – 368 с.

22. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. – Москва : Наука, 1983. – 412 с.
23. Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. – Москва : Изд-во политической литературы, 1990. – 624 с.
24. Культура жизнеобеспечения и этнос / Отв. ред. С. А. Арутюнов, Э. С. Маркарян. – Ереван : Издательство АН АрмССР, 1983. – 319 с.
25. Петрухин В. Я. Человек и животные в мифе и ритуале : мир природы в символах мира культуры // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. – Москва : Наука, 1986. – С. 5–26.
26. Байбурин А. К., Левинтон Г. А. К проблеме «у этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов» // Фольклор и этнография. – Ленинград : Наука, 1984. – С. 229–245.
27. Эдвард Эдингер. Эго и Архетип [Электронный ресурс]. URL : <https://itexts.net/avtor-edvard-edinger/263576-ego-i-arhetip-lp-edvard-edinger/read/page-17.html>. (дата обращения : 15.10.2020)
28. Краткая энциклопедия символов [Электронный ресурс]. URL : <http://www.symbolarium.ru/index.php> (дата обращения : 15.10.2020)

References

1. Bashkir folk art. Vol. 1. Epic. Comp. M. M. Sagitov. Ufa, Bashkir Book Publ. House, 1987, 544 p. (In Russ.)
2. Ural-Batyr (epic). Record. by M. Burangulov from G. Argynbaev and H. Almukhametov in 1910. Project by G. V. Yuldybaeva. Ufa, Polygraphdesign Publ., 2014, 196 p. (In Bashkir)
3. Kireev A. N. Bashkir folk heroic epic. Ufa, Bashkir Book Publ. House, 1970, 304 p. (In Russ.)
4. Kharisov A. I. Literary heritage of the Bashkir people (XVIII–XIX centuries). Ufa, Bashkir Book Publ. House, 1973, 312 p. (In Russ.)
5. Valeev D. Zh. Elements of the philosophical vision of the world in the epic monument “Ural-Batyr”. In: Folklore of the peoples of the RSFSR. Iss. 2. Ufa, BashGU Publ., 1975, pp. 3–11. (In Russ.)
6. Zaripov N. T. Folkloristics. In: In scientific search: to the 50th anniversary of the Institute of History, Language and Literature of the Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences. Ex. ed. Kh. F. Usmanov. Ufa, Bashkir Book Publ. House, 1982, pp. 145–159. (In Russ.)
7. Suleimanov A. M., Ryazapov R. F. Archaic epic of the Bashkir people. Ufa, Gilem Publ., 2002, 124 p. (In Russ.)
8. Ural-batyr: Bashkir folk epic. Introduct. A. M. Suleimanov; transl. by A. Kh. Khakimov. Ufa, Kitap Publ., 2013, 288 p. (In Russ.)
9. Aminev Z. G. Epic “Ural-Batyr” and the mythology of the Bashkirs. Ufa, Design Press Publ., 2013, 160 p. (In Russ.)
10. Galin S. A. Bashkir folk epic. Ufa, Aerokosmos i noosfera Publ., 2004, 320 p. (In Russ.)
11. Khusainova G. R. Bashkir epic “Ural-Batyr” and its similarity with the epics of the Turkic-Mongolian peoples (on the example of Bashkir, Yakut and Buryat materials). *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Epic studies*. 2017, No. 1 (05), pp. 20–26. (In Russ.)
12. Yuldybaeva G. V. Bashkir mythological epic “Ural-Batyr”: the history of study and popularization. *Problems of History, Philology, Culture*. 2014, No. 4 (46), pp. 265–272. (In Russ.)
13. Nadrshina F. A. Great creation of the Bashkir people. In: Ural-batur. Bashkort Folk Epic. 2nd ed. Ufa, Informreklama Publ., 2005, pp. 28–44. (In Russ.)
14. Dossier on the inclusion of the Bashkir cubaires of the “Ural-Batyr” cycle in the List of Masterpieces of the Intangible Heritage of Humanity. Ed. F. G. Khisamitdinova, F. A. Nadrshina. Ufa, Institute of History, Language and Literature of the USC RAS Publ., 2013, 302 p. (In Russ.)
15. Bgazhnokov B. Kh. Essays on the ethnography of communication between the Circassians. Nalchik, Elbrus Publ., 1983, 232 p. (In Russ.)
16. Arutyunov S. A. Introduction. In: Ethnography of nutrition of the peoples of countries of foreign Asia. Moscow, Nauka Publ., 1981, 256 p. (In Russ.)
17. Kondakov N. I. Logical dictionary-reference book. Moscow, Nauka Publ., 1975, 721 p. (In Russ.)
18. Lessing G. E. Laocoon, or the boundaries of painting and poetry. Moscow, Goslitizdat Publ., 1957, 519 p. (In Russ.)
19. Saussure F. de. Works on linguistics. Moscow, Progress Publ., 1977, 696 p. (In Russ.)

20. Frazer J. The Golden Branch: A Study of Magic and Religion. Transl. from English M. K. Ryklin. Moscow, Politizdat Publ., 1980, 831 p. (In Russ.)
21. Propp V. Ya. Historical roots of a fairy tale. Leningrad, Publ. House of the Leningrad University, 1986, 368 p. (In Russ.)
22. Bromley Yu. V. Essays on the theory of ethnos. Moscow, Nauka Publ., 1983, 412 p. (In Russ.)
23. Tokarev S. A. Early forms of religion and their development. Moscow, Publ. House of political literature, 1990, 624 p. (In Russ.)
24. Culture of life support and ethnos. Ed. S. A. Arutyunov, E. S. Markaryan. Yerevan, Publ. House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1983, 319 p. (In Russ.)
25. Petrukhin V. Ya. Man and animals in myth and ritual: the natural world in the symbols of the world of culture. In: Myths, cults, rituals of the peoples of foreign Asia. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 5–26. (In Russ.)
26. Bayburin A. K., Levinton G. A. On the problem “at the ethnographic origins of folklore plots and images”. In: Folklore and Ethnography. Leningrad, Nauka Publ., 1984, pp. 229–245. (In Russ.)
27. Edward Edinger. Ego and Archetype [Web resource]. URL: <https://itexts.net/avtor-edvard-edinger/263576-ego-i-arhetip-lp-edvard-edinger/read/page-17.html> (accessed: October 15, 2020). (In Russ.)
28. Brief Encyclopedia of Symbols [Web resource]. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php> (accessed: October 15, 2020). (In Russ.)